

* * *

Май на исходе.

И лето (оно уже с краю) —
Я из сеней на крыльцо босиком выбегаю.
Съедена каша,
но ложечка рыбьего жира
Чуть не на месте меня за столом уложила.

Может, оно и полезно, да мне не по нраву
Пить, как заморышу глупому, эту отраву.
Вдруг уличат,
и сгоришь со стыда от обиды.
Будешь потом отбиваться:

«Пошёл ты! Иди ты!»

Двор невелик, и с восхода прикрыт тополями.
Флигель в тени,

но с фасада открыт особняк.

А за сараем задворки, где в вырытой яме,
Прячась однажды, увидел я царский пятак.

В сад до шести погулять нас пускают бесплатно.

В семь — по билетам,

а нам бы хоть в щель поглядеть,

Как в темноте начинают порхать безоглядно

Юбочки, платья и туфли под звонкую медь.

Ну, а пока на соседней веранде не пусто,

Там женихи и невесты, горох и капуста.

Правда, горох ещё зелен, с капустой не лучше —

Так себе,

без году...

Разве что губки надувши.

Как ни крути, а дворовая всё же команда.

В ножичек можно и в прятки ещё поиграть.

Есть где в ненастье под крышей укрыться — и ладно:

Все на виду и не надо в окошко орать.

Банка с лягушками. Ох, ты! (сюрприз на перилах).

Это, конечно, не складень, не мёд с калачом.

То-то, ликуя, счастливица душа воспарила:

Ёмкость большая.

Спросить бы: «А квакши почём?»

Вынес и я б кое-что, но показывать рано.

Разве что в чайной коробке двух майских жуков.

Бабочку я сотворю. Никакого обмана.

Выну из куколки. Спорить на складень готов.

Крупные к осени вырастут в парке стрекозы.

С речки подросших мальков принесу я домой.

Год ещё минет, пока оклемаются грозы,

Чтобы четырежды грянуть потом надо мной.

* * *

Ох, лето красное! любил бы я тебя...

А.С. Пушкин

Откинув головой кудрявой

Край занавески кружевной,

О подоконник, слившись рамой,

Облокотился летний зной.
В потёртых шортах, полюбовно,
Готов он (к лёгкому ль вину)
Отведать спаржи, чтобы в полдень,
Салфетку сняв, предаться сну.
Пыль терпим, «страждем от засухи;
Лишь как бы напоить» себя.
Всеядно «комары да мухи»
Снуют, у мерзких ям трубя.
О лето красное с ботвиньей
(С подвала, с погреба, со льда),
Брусничным квасом ты и сбитнем
Ужели натворишь вреда?!

Легко, как звонкая подкова,
По мостовой издалека
Сквозь полдень зноя городского
Пробилась к нам твоя строка.

«Ох, лето красное!»

О лето!

Какое лето, Александр!
На Антарктиду с того света
Готовят нелюди десант.
И подо льдом, где Атлантида
Убрать забыла свой шезлонг,
В подземный мир дыра пробита,
Где Кинг очнулся (или Конг?).
Чудовищный вулкан проснулся.
Суматра с Явой пали ниц.
Венеция перевернуться
С усталых просит ягодиц.
Без облаков сухие грозы,
В ночи очами поводя,
Свои слепящие занозы
Вонзают, где ни попадя.

Гольфстрим грозит остановиться,
А у фонтанов детвора
В листочках фиговых из ситца
Кишит в струях, как мошкара.
Антенн стальных рога олени
Выглядывают из-за крыш.
Гудят пустые их колени,
Пытаясь выпрыгнуть из ниш.

Уже не паводки и речки,
А вековые ледники,

Освободившись от уздечки,
Спешат обжить материки.
«Куда ж нам плыть?»...
В какую осень?
Кто даст отмашку парусам?
Или опять наш челн относит
В твой век отрадный, Александр?

«Ох, лето красное! любил бы...»
Когда б не полая вода —
Как репу в огородах, избы
Выдёргивает без труда.
Когда б не ливни проливные:
Подсохнет чуть — и снова ад.
Когда б не град (горох по вые.
И в окна талый камнепад).

Листопад

Пролог

Сценарий ещё не угадан,
Но можно забить домино.
Пустые распадки прогалин
Уже застолбило кино.

Кладите костяшки на листья.
Гора отряхнула подол.
Не надо в проходе толпиться,
К просмотру садитесь — за стол.

Плетут пауки паутину.
Сентябрь у стрекоз нарасхват.
Всё ту же снимает картину
Под осень шутник Листопад.

Ему, ветерану со стажем,
Армейский не жмёт сапожок.
Он этот сценарий с пейзажем
Давно затвердил назубок.

Задуман спектакль не наобум,
Но, с треском ломая печать,
Он даже в казённую обувь
Не стал новичков обувать.

Гагариным бредят, Колумбом.
С утра бы их ветром обдать.

В деревьях, кустах и на клумбах
Кому-то пора облетать.

Пусть грозди в рябинах созрели.
В них тоже пробился багрец.
Напрасно шептали им ели,
Дурной предрекая конец.

Опомнился парк, вопрошая:
Нельзя ли пожар потушить?
— Тебе бы, листва золотая,
Не бегать, а саваны шить.

О! как понесло их на дело:
То с вывертом, то кувырком,
Штурмуя балкон обалдело,
В окошко стуча черенком.

Маэстро их чествовал кистью.
Мотором дразнил режиссёр.
Галопом несло их и рысью
С откоса, в овраг, за бугор.

Немало их ветер с обочин
Согнал и оставил в кустах.
Закрылись и ссохлись их очи,
И шёпот запёкса в устах.

Свободы хотели. Отрады.
В чём мать родила — со двора...
От старых ворот вдоль ограды
Сгребут — и на вывоз пора.

Не будет билетов обратных.
Забудут: о ком... и по ком...
Кто чист, кто наобум запятнан.
Кто с вывертом, кто кувыркром.

Эпилог

Нет «Нового» в доме «Завета»
У дятла на голом столе.
Не будет ни бабьего лета,
Ни корма в холодном дупле.

Ещё не забыла сорока
Про сыр в мышеловке пустой.
К рябине (она одинока)
Снегирь прилетит на постой.

Берёз опустевшие кроны,
До нитки себя обобрав,
Безмолвно следят, как вороны
На их митингуют торгах.

Бокал потеряло светило,
Но всё ещё просит: «Налей!»
О, только бы места хватило
Под матицей зимних ветвей.

* * *

На клумбах уже не багрово,
Пионы в пожухлой канве.
С этюдником в старом Глазково
Бреду по опавшей листве.

Поляны, объятые думой,
Своих не дождалась имён.
Над садом Парижской Коммуны
Мерещится шорох знамён.

Она ещё августом дышит,
Как яблоко в тёплой золе.
Пылают багряным и рыжим
Две чаши в пустом дефиле.

Быть Летним ему бы хотелось,
Про чуждый забыть маскарад.
Свою оплатит мягкотелость
Он был бы рябинами рад.

От входа за аркой, белея,
Коры огрубевшей конвой,
Обочиной жёлтой аллея,
Бредёт катафалком за мной.

Спасибо, двух каменных дурищ
От главных убрали ворот.
До новых календ не забудешь
Их вёсла и плеч разворот.

Мерещится, будто подковы
Стучат, спотыкаясь о грунт.
И мёртвые тени готовы
Опять становиться во фронт?

В глубинку иду, как в заначку,
Былого потрогать печать.
Так хочется даму с собачкой
У старой скамьи повстречать.

* * *

*1959-й. Университет.
Филфак. Колхозный анабасис*

В этот вечер недаром
Был язык наш остёр.
Мы в осиннике старом

Разводили костёр.
У огня на привале,
Дав отгул голове,

Мы поминки справляли
По опавшей листве.
Пусть потешится всполох,
Полюбив бересту.
Он и в нас, точно порох,
Бить готов за версту.
Пусть в конторе списали,
Сбыли с рук, прослезясь:
И у нас под ногтями
В баню просится грязь.
До свиданья, солома,
Ржавых кос перезвон.
Месяц жили, как дома.
Лес видать из окон.
Деревенская проза —
Не в бирюльки игра.
Завтра мы из колхоза
Уезжаем с утра.

На токах и на фермах,
В мокром поле с ботвой —
Это был наш не первый,
Но решительный бой.
Заждалась альма-матер,
Хлеб да соль преподнести.
Расстилайте же скатерть
На Покров, Ваша честь!
В огородах на грядках
Тут давно задалось.
А для нас разрядка —
На картофель, небось.
Пусть страда в день ухода
Не попомнит нам зла.

Горемычной погода
В эту осень была.
Сводки подвига просят,
В календарь не глядят.
Небо кутает просинь
Облаками до пят.

Третьи сутки с восхода
Дырки в глине сверля,
Нежит в лужах погода
Дождевого червя.
Грязь играет в подножку.
Юзом ходит нога.
Мокнет в поле картошка.

Потемнели стога.
Столько всякой работы!
Конюх горькую пьёт.
Кладовщик без охоты
Нам паёк выдаёт.
Под навесом капусты
Крошит горе моё.
В клубе (быть ему пúсту)
С ночи сохнет бельё.
С четверга до субботы
То проглянет, то льёт.
А у девочек боты,
Будет борщ и компот.
Факультетская сказка
Волочаевских дней.
От Иркутска до Спасска
Мы седлали коней.
Из разбитых вагонов
Шашки вон — и в галоп...

На картошку с восходом,
А в обед — на горох.

Пусть убрали подмости,
Но, с былым заодно,
К вам, товарищ Островский,
Мы просились в кино.
Хвои яростный запах,
Зноя жаркий глоток...

Нам не надо на Запад.
Нас встречает Восток.
Будет баловень-порох
Передразнивать плеть.
В мой распахнутый ворот
Пепел будет лететь.
Будет говора много
И немного вина.
Завтра снова дорога,
А сегодня луна.

Ликом ясным представлясь,
Поднялась в стороне.
Отворите мне ставень
К той, что снилась во сне.

Конь в сторонке расседлан,
Домовитых кровей.

На телеге под сеном
Огурцы и портвейн.
Ненадолго в сторонке
Дайте в сено упасть.
Позабыть про постромки

И другую напасть.
Битвы больше не будет
За большой урожай.
Хочешь выбиться «в люди» —
Насовсем приезжай!

Двадцатый век

Тебе апокалипсис загодя был предначертан.
О, этот, в кармане Кюри роковой минерал,
Ещё без свинцовых пелёнок в футляре никчемном,
Уже без реторт и без колб свой триумф предрекал.
А ты, книгоноша его роковых уравнений,
Депешей своей торопил: «Распишись, Капитал!»
Твой гений у Фауста зря не сидел на коленях,
Пока Мефистофель на гуще кофейной гадал.

Исчерпал ты Ветхий.
И Новый открыл ты Завет,
Отставив лопату
И вынув из савана череп.
О, век теорем!
Ты в скафандр размышлений одет,
Как в тогу Платон
Или в блузу свою Торичелли.
Но как же забывчив
Во стогнах твоих человек!
Как, чувствуясь, глух он,
Себя небесам адресуя!
Он то обезглавлен,
Как делатель скреп Улугбек,
То вдруг вознесён,
Как «отец» рукоплещущих всеу.
Иль жатвой кровавой
Ты алчность пресытить хотел?
Но вдовы рыдали,
Склонялись над рвами светила,
И смрад поднимался
От навзничь поверженных тел,
И темень над павшими
Хладные луны катила.
Ты смерть окормил,
Чтобы гранки эпохи сверстать.
Немыслимым жаром
Твои континенты прогреты.
Твои полигоны
Ожившим химерам под стать.

С твоих космодромов
Не в ад ли стучатся ракеты?
Наследие это
Превыше тщеты всеблагой.
Ведь ты не лучину
Сумел расщепить, а вулканы.
Проснулась Земля,
Поперхнувшись нечистой водой,
И сетует горько —
Лечить уже незачем раны.

Ты узнан и взвешен,
Опознан, и ждёшь приговор.
Под каской армейской
Упрямо закушены губы.
И рот перекошен —
Вот-вот передёрнешь затвор,
Упрёшься в шлагбаум —
И грянут архангела трубы.

Инферно

Собой побыв в объятых стали,
Не чуют убыли тела —
Все те, по ком звонить устали
За упокой колокола.

Прости меня. Я рано умер.
Отчислен. Без вести пропал.
Под башней заживо обуглен,
Убит душманом наповал.

«Как все, кто лёг, постриг приемлю,
Ещё — уведомить спешу:
Как Ванька Жуков «на деревню»,
В келейке узенькой пишу.

Отсюда, где горят Плеяды,
Мне узких улиц не видать.
Тут в кельях с нарами — и рад бы,
Да не положена кровать.

По увольнительным запискам
На землю сходим, как во сне,
Сказать холмам и обелискам:
«Нас много было на челне».

В твоих висках ещё не иней,
Почти устала вспоминать.
Лишь кот в глаза твои сухие,
Как муэдзин, глядит опять.

Войной обугленные кости
Земля не сразу отдаёт.
Ни рук, ни ног, но ходим в гости,
Уже не посуху, не вброд.

О днях, когда мы были вместе,
Тебе напомнит листопад,
С нагих ветвей из поднебесья
В окно стучащий наугад.

В горах душе витать доколе?
Устала сниться ей гроза.
И голова на частоколе,
Чьи коршун выклевал глаза.

Каноны длятся тут подолгу,
Хвалы великие лия.
Тайком от Бога в самоволку
Сбегу (и буду проклят я).

Явлюсь ни худо, ни богато,
К тебе забывчиво прильну.
Ведь утром снова будет надо
Повзводно испкутить вину.

Ослушикам стола Господня
Страшиться ли сковороды...

Позволь, приду к тебе сегодня,
Живой отведаю воды.

Припомни, я ведь Казанова.
Не в танке за грехи гореть.
Как в забытьи шепчу три слова:
«Калитку выйди отпереть...»

Нагота

У шифоньера и комода
На лаврах почивает мода —
От кутюрье и от мадам,
Чьи имена склонять не надо
(Он как бы Вакх, она Менада):
Почти как Ева и Адам.

Обтяжка или обнажёнка?
Извольте тонко понимать.
Не глядя, мерку с медвежонка
Поможет снять природа-мать.

И потому готово детство
(Не век) в звериных шкурах греться.
Спадёт возня, убудет прыть.
Однажды (нет, не разглашая):
«Мой милый, я уже большая.
Пора тебе меня покрыть».

На пляже — нет. В отеле можно,
Раз это вовсе неотложно.
Суфле, шампанское во льду.
Есть повод — и разоблачайтесь,
С ума сходите, обручайтесь —
В угаре и в полубреду!

В партер устанешь продираться.
Спектакль, а лезть не вмоготу.
Что сбоку, что в упор. А вкратце:
Как на работе — весь в поту.

Чужой свободой заручились,
А от минувшей отрешились:
От русской бани, от стыда,
От сарафана, от понёвы,
От конской на дверях подковы,
От старой ивы у пруда.
Но та, которая и ныне
В горящую избу войдёт,

Опять, тоскуя по рябине,
У прежних не всплакнёт ворот.

Пусть не Руслан, и пусть не витязь...
Узнает ласку твой упырь.
Забудь о Фросе и про ГИТИС.
Теперь ты, лапочка, Эсфирь.

Томясь от грусти безнадежной,
Протянешь долго ли в глуши?
Не обязательно, но можно...
Летите в город, голыши!

Там не написано: «Пожалте!»
Хотя... снимите полушалки.
Какой с них на обложках прок.
В столичных ли, в иных ли стогнах.
Оброк не с кондачка подогнан:
Брать с дыма, с живота, с чулок ...

И ты, герой мой, не безгрешен,
А потому прошу плеснуть!
Иначе, за каким бы лешим
Вникать бы стал я в эту суть.

Твердишь ты: «Ах, она, милашка!»
Огнём гори, а бес в ребро....
Впитала всё, как промокашка.
За шест бралась и за перо.

Тут главное, не острова Мальдивы.
Вон в Думе пальчиком грозят.
А глянешь: «Ах! Какие дивы!
Ты плёнку отмотай назад!»

Уже и в дамы (статс-) готова
Попасть, на кафедру пролезть.
Не вовсе «голова садова».
Сам скажешь: «Что-то в этом есть».

Кто тень, а кто уже и призрак.
Примерку стерпишь, будешь гож.
Неважно, кто ещё не признан,
А важен, в общем-то, галдёж.

Ну, думай, думай, брат Аркадий!
Смотри, кино не пропусти,
Полезных набираясь знаний
От повзрослевших травести.

Катарсис

Устал я вглядываться в лица.
Нет тех, чья выдрана страница.
Хочу обычным чередом
Себя, чтеца и книгоношу,
Когда листву льняную сброшу,
Спросить, а где мой отчий дом?

Дела не то чтобы прискорбны,
Но древа родового корни
Из ног моих стучатся в пол.
В ушко игольное верблюду
Чуть-чуть войти осталось.
Буду
уже не тело я, а ствол.

Простру, как говорится, ветви.
Спрошу, иногородних нет ли?
Давно ли дятел улетел?
Ведь сам я барабанным боем
Был восемь лет когда-то болен:
Дробь выбивал и в горн дудел.

«Подвинься, — шепчет мне дубрава, —
Налево глянь, потом направо.
Прозревшим оком как объять?
И поле Дикое, и горы.
За Камень глянешь, там поморы —
Корела, чудь и самоядь».

Не продолжай. Давно гадаю,
Зачем в Сибири пропадаю?
Поводырем моим побудь:
На печь ли русскую взбирался,
Ума ли в бурсе набирался,
Броня ли холодила грудь?

Хочу издалека увидеть,
Когда итоги подведу,
Избу ли, хату ли в Тавриде,
Холмов пустую ли грядку?

Аршин отмерь (всего-то малость).
В ограде жизнь мою продли,
Чтоб крона выше поднималась
Над крышей дома от земли.

В дубовый стол хвоя впиталась.
Берёзой пахнет колыбель,

И пол загадывать под старость
Устал: сосна он или ель?

Гляжу с утра, как узник в нишу,
Два старых тополя в окне.
И ветра нет, а будто слышу
Опять нашёптывают мне:

«Уже пила и топорище
Скучают, бедные, по нас.
Как у тебя дела, дружище?
Ещё ль восходишь на Парнас?»

Не зван я был с ликейских высей
Взирать, сподобясь, где милей,
В канун питейных Дионисий,
Великих (плюс) Панафией?

Но были дни, ловил губами
Струю Кастильского ключа,
Звал Музу в рошу за грибами,
Момент отрадный улуча.

Пора Пегасу бить копытом
В то место, где я прорасту.
С подножья на холме открытом
Пусть виден буду за версту.

Мне б сразу деревом родиться.
Итоги я уже подвёл.
Одна закончилась страница,
Выпрастывай другую в ствол.

Снегопад

С чего б всю ночь валил он кряду
На крыши и на купола,
Церковную обняв ограду,
Заглядывал в колокола?
Залётный пусть, но декоратор
Из поднебесья (в доску свой),
Дождём когда-то был и градом,
Стал снегом, выйдя на покой.
Уже и не утёнок гадкий,
Пух лебединый распустил.
Он тоже ангел, только падкий

До колких на ветвях пастил.
Умельцы да не имут сраму.
Какой без масок карнавал...
Как в холст, натянутый на раму,
Он город весь загрузовал.
Легко рука его кропила,
И, чтобы не клонило в сон,
Обмакивая кисть в белила,
Подшучивал над фонарями он.
И ночь была, и было утро.
И стало улиц не узнать,

И проступить уже не смутно
Успела каменная кладь.
И деревянная, всплывая,
Свои открыла отруба
На мезонины припадая,
С уже подросшего горба.
Всё кисть волшебная исправит,
Умнёт под валенками наст,
И знак в окошко или в ставень
Про бабу снежную подаст.
Не с дарственной в преисподню
Шагнёт гонец на Рождество,
Пусть ласку, ироды, Господню

Да не сочтут за кумовство.
Побалуется пусть на святки,
Соскучась в баньках, мелкий бес.
У грешников остынут пятки,
Изыдут слёзы из очес.
Пока нечистый льнёт к оконцу,
Наряд невесте не к лицу.
За черевичками придётся
Лететь Вакуле кузнецу.
С мороженого зубы ломит.
Тем слаще пастила во рту...
Любимая губами ловит,
Смеясь, снежинки на лету.

* * *

Опять ворует забывудки
У крыш беспечная капель.
Спешит (покоя ни минутки)
Продать ночную карамель.

По Карла Либкнехта гуляю
С проросшим веком на дворе.
Ворота и калитки с краю
Бегут к Кукуевской горе.

Ещё распахнутые ставни
Глядят на воробьиный бой.
По птичьи кычут «ярославны»,
Вздывая пясти над собой.

И тут шеломы гнут, похоже,
В резных наличниках сойдясь,
За тёплое в гнездовье ложе,
Откуда вылупился князь.

Не с мира Русь по нитке, знаю...
Забудь Поганую Орду.
Под вечер, как по Разгуляю,
Уже не по Ямской иду.

В окладах ставней старый почерк.
О трёх подрамниках хоругвь.

И подоконник, между прочим,
С потёртой скатертью по грудь.

Внезапной встречей озадачен,
Хвостом по ступицу обвит,
«Камердинер» зрчком кошачьим
В окно насмешливо глядит.

Так скользки к ночи тротуары.
А март он любит невзначай:
«Ах, сударь, где вы пропадали?
Остыл в стакане вашем чай!»

Два леденца, забытых в блюдце,
На крытом скатертью столе.
Очки на ниточках смеются,
И спицы все навеселе.

Потом она к столу вернётся
И чай заварит, как вчера.
В часах кукушка поперхнётся —
Пасьянс раскладывать пора.

А я всего-то мимоходом...
И кот, всего-то — старый плут.
Спросили бы: «Откуда родом?»
Ответил бы: «Родился тут!»